

НАБЛЮДЕНИЯ

Александр Захаров

Цена жизни

Проблема цены или ценности жизни всегда рассматривалась в этике и антропологии как одна из важнейших, поскольку связывалась с пониманием цели и смысла человеческого существования. По-видимому сегодня эта проблема приобретает особую значимость. Стало общим мнением, что цена жизни в современной России падает. Чем обусловлено данное явление, к каким последствиям для развития общества и индивида может приводить, можно ли бороться с этой тенденцией? — вот вопросы, на которые, прежде всего, хотелось бы получить ответы¹.

Тенденция снижения цены жизни проявляется сегодня во множестве фактов: общем падении уровня личной и социальной защищенности, росте безработицы, экономической депрессии, понижении уровня жизни большинства граждан. Неэффективность правоохранительной системы и разгул насилия в стране — тоже показатель обесценивания человеческой жизни. Необходимо отметить не только факты роста уголовной преступности, но также насилие, организованное в социальных формах, например государственно-этнические и внутривнутриполитические конфликты с применением вооруженной силы. Захваты заложников, публичные смертные казни, наемные убийства и террористические акции — это все явления из того же ряда². По данным статистики уровень смертности от насильственных причин в России в десятки раз превышает соответствующие показатели западноевропейских стран. Уменьшилось количество заключаемых браков, снизилась рождаемость, но значительно увеличилась смертность населения в активном, трудовом возрасте, особенно среди мужчин. Показатель ожидаемой продолжительности жизни — самый низкий в мире. По прогнозам ООН к 2010 году он уменьшится до 62,5 лет.

 Ожидаемая продолжительность жизни в России:

Год	Оба пола	Мужчины	Женщины
1987	69,94	64,87	74,32
1991	69,02	63,45	74,38
1995	64,61	58,22	71,30

В России растет количество самоубийств, в том числе среди таких категорий населения, где ранее они практически не наблюдались, например среди кадровых военнослужащих. Наконец, резко возросло количество умерших от применения алкоголя и наркотиков. Люди настолько низко ценят свою жизнь, что сами ее укорачивают.

Важно отметить не только статистические факты, но и общее изменение отношения к проблеме жизни и смерти. В средствах массовой коммуникации, в прессе и на ТВ, постоянно раздаются жалобы множества людей о своей незащитности. В обращении редакции газеты «Московский комсомолец» к читателю говорится: «Приходится констатировать факт: сегодня мы живем в городе разгулявшегося криминала. Абсолютно никто из нас не застрахован от столкновения с жестоким преступным миром. Маньяки, поджидающие наших детей у лифтов. Заезжие домушники, лезущие по балконам в квартиры, где и взять-то нечего. Зарвавшийся хулиган (какое мягкое по нынешним временам слово!) с ножом в руке. В конце концов, случайная пуля во время бандитских разборок прямо на улице...»³.

С другой стороны, в тех же средствах массовой коммуникации постоянно преподносятся сенсационные материалы о катастрофах и убийствах, художественные фильмы, наполненные сценами насилия. Общее впечатление — «закрывать глаза и не жить!». Похоже, российская аудитория угодила в ловушку: ее пытаются лечить от страха еще большим нагнетанием ужаса и отчаяния. Журналисты обратились к читателям с просьбой высказать свое отношение к публичным смертным казням в Чечне. Из числа позвонивших в редакцию 58 процентов одобрили это явление (главные мотивы — ненависть к Чечне, безнаказанность военных и уголовных преступников, криминализация экономики страны, надежда на устрашение злодеев). Было немало предложений ввести подобные обряды во всей России. Категорически отрицательно ответили — 39 процентов читателей (мотиви-

ровки: варварство, средневековье, «гитлеровцы так не поступали», «это — не политики, а убийцы, которые могут в любое время наброситься на нас»)⁴.

Падение ценности, или цены, жизни принимает форму массового невроза с далеко идущими последствиями. Если жизнь не имеет цены, то ради чего трудиться, заниматься хозяйством, рожать детей, создавать произведения искусства? Ни о каком выходе из общественного кризиса и уж тем более ни о каком социальном творчестве не может быть речи. Горизонт мотивации сужается, ограничиваясь потребностями текущего, в лучшем случае завтрашнего дня. Нарастает чувство апатии, увеличивается общая нестабильность социальных связей, люди оказываются подверженными иррациональным страхам и случайным внушениям. Человек, не знающий себе цены, не умеет ценить и других людей, подвергая их жизнь неоправданному, зачастую бессмысленному риску. Иными словами, цена жизни есть некоторый интегральный критерий для оценки социальной действительности. В этом понятии сходится отношение ко всей сумме объективных и субъективных условий, делающих жизнь приемлемой, включая защищенность и безопасность, уровень и качество жизни, моральную удовлетворенность, сознание своих гражданских прав и чувство личного достоинства и т.д. Поэтому снижение цены человеческой жизни, безусловно, следует рассматривать как явление негативное, которому необходимо противодействовать.

Чем объяснить понижение ставок на жизнь в современном российском обществе? Является ли оно своеобразной «платой» за происходящие в стране реформы или вызывается какими-то другими причинами? По логике вещей между витальностью общества и жизнеспособностью отдельных его членов должна быть теснейшая взаимозависимость. Почему же в России она приобретает парадоксальный вид, когда «государство пухнет — народ хиреет» (В.О.Ключевский)?

Очевидно, в обществе, как и в животном мире, существует некоторый стихийный механизм, регулирующий цену жизни отдельной особи в зависимости от внешних условий развития популяции. Например, различные природные катаклизмы, социальные бедствия, эпидемии, войны приводят к тому, что общества сохраняются, жертвуя индивидами. Однако такое объяснение не подходит к современной российской ситуации: если сегодня и можно говорить о некоторых признаках социального

катастрофизма, то лишь как о явлениях искусственно вызванных, инспирированных ради каких-то неявных целей, которые еще предстоит выяснить. Вообще, возможности «жертвенной экономики» не беспредельны. Если ценность индивидуальной жизни падает ниже определенного критического уровня, то это приводит к общему снижению витальности группы или общества, они утрачивают гомеостазис — качество саморегулируемых систем, придающее им внутреннюю целесообразность и адаптивность.

В антропологии обычно выделяют два основных типа ценностного отношения к проблеме жизни/смерти, или два подхода к измерению цены человеческой жизни⁵. Один из этих типов — так сказать, языческий, доперсоналистский. При таком отношении между жизнью и смертью не видят принципиальной разницы. Язычники убеждены, что смерть означает не абсолютный конец жизни, но только лишь начало ее нового этапа — жизни в загробном мире, которая принципиально не отличается от «здешней», земной. Умершие предки не покидают навсегда живых, а иногда «общаются» с ними, например в дни праздников. С другой стороны, язычники проводят резкую грань в оценке жизни своих соплеменников и людей «чужих». Цена жизни земляков и сородичей определяется обычным правом и законами кровной мести, а чужеземцев — в абстрактных эквивалентах, чаще в деньгах. Чужестранцев и рабов могли приносить в жертву богам, «своих» же — практически никогда. Самые ранние из дошедших до нас юридических документов разных народов, такие как Кодекс царя Хамураппи, Русская правда, франкские правды, являются наглядными образцами такого отношения к жизни. Рецидивы неоязыческих представлений можно встретить у ныне живущих людей (правда, воспитанных в советское время): «...И вот 20 миллионов погибших в Великой Отечественной ценой своих жизней добились для нас, оплатили то, что день 9 мая стал праздником и нерабочим, за что мы, потомки, будем всегда им благодарны»⁶.

Другой тип отношения к жизни/смерти формируется в условиях цивилизованного общества в связи с ростом индивидуализации его членов и формированием монотеистических религий персоналистского характера. В цивилизованном обществе налагается запрет на человеческие жертвоприношения, жизнь провозглашается высшей ценностью. Здесь уже отношение к жизни и смерти становится важной стороной внутреннего духовного мира личности, интимным аспектом отношения к Богу

и другим высшим инстанциям. Например, в современной западной культуре проблема смерти табуируется, ее не принято обсуждать публично. Даже смертная казнь, если она сохраняется в некоторых государствах как легальная мера возмездия, производится скрытно. Обратной стороной этой атмосферы таинственности и даже мистицизма является по-детски наивное любопытство к фактам смерти, которое европейцы и американцы порой проявляют выше всякой меры, как это имело место в случае с трагической гибелью принцессы Дианы.

Можно обсуждать, насколько два вышеназванных типа ценностного отношения к жизни являются всеобщими и как их можно применить к современной России. Остаемся ли мы все еще «язычниками» или уже шагнули к цивилизованному существованию? Как, например, можно объяснить отношение к жизни и смерти участников сталинских процессов? Не бывает правил без исключения. Опыт философского осмысления проблемы ценности жизни необычайно многообразен, включая и стоицизм, и христианский персонализм, и экзистенциальную философию, и психоанализ, и даже такие весьма специфические теории, как игровую концепцию отношения к жизни. У нас в данной работе нет возможности подробно рассмотреть все эти теории. Подчеркнем, что здесь проблема цены жизни анализируется, в первую очередь, как проблема социальной антропологии, то есть как социальный массовидный факт, определяющий смысловые стороны человеческой деятельности. С этой точки зрения нельзя не отметить, что многие ранее популярные философские теории сегодня не выдерживают критики, они просто не способны объяснить реальность XX века, сложившуюся в обществе, которое прошло через ужасы двух мировых войн, Хиросиму, ГУЛАГ и Освенцим.

Может быть, стоит вообще отбросить миф об абсолютной ценности человеческой жизни и взглянуть на проблему более приземленно. Так в начале XIX века К.Маркс впервые провозгласил, что рабочая сила имеет стоимость. Маркса обвиняли в аморализме, но довольно скоро успокоились, приняв его утверждение за аксиому. Не исключено, что и жизнь человека как социальная, или социально-экономическая, категория может быть операционализована в виде некоторых стоимостных отношений, например как максимальная сумма страховки, которая устанавливается финансовыми учреждениями в той или иной стране. Может показаться, что такая цена до смешного мала, но все же она выше той суммы, которую получают киллеры за выпол-

нение заказных убийств. Можно попробовать вычислить, сколько стоит вырастить, воспитать ребенка, обучить его в школе, привить ему элементарные навыки гражданского общежития. Тогда станет ясно, что родители молодых людей, погибших в армии от несчастных случаев или от побоев, а также во время необъявленных военных действий в различных «горячих точках», не получают даже минимального возмещения нанесенного ущерба.

Конечно, в подобных расчетах нетрудно дойти до полного цинизма. В гитлеровском Рейхе досконально вычислялись доходы от труда военнопленных и стоимость содержания заключенных в концлагерях, начиная с питания и вплоть до затрат на уничтожение в газовых камерах, кремацию и пересылку урн с прахом родственникам убитого. Тот, кто видел документальный кинофильм М.Ромма «Обыкновенный фашизм», знает, что об этом просто невозможно рассказывать нормальным человеческим языком. И все-таки представляется, что размышления в таком направлении могли бы быть полезными хотя бы для того, чтобы убедиться, что человеческая жизнь чего-то стоит, что за нее надо платить и что с общественной, государственной точки зрения крайне непрактично выбрасывать вложенные в человека средства «на ветер». Тогда же станет ясно и то, что профессиональные работники, которые больше всего делают для повышения цены человеческой жизни — врачи, педагоги, социальные работники, деятели культуры — у нас в стране получают самую низкую зарплату.

От этой примитивной «людоедской» экономики логика рассуждений ведет к гораздо более глубоки социально-философским выводам в духе М.Фуко, Ж.Делеза и Ф.Гватари: к пониманию современной технологии социально-воспроизводственного процесса, того механизма поддержания общественной витальности, который характерен именно для XX века, эпохи массовой индустриализации. Фуко показал, что, начиная с XVII-XVIII вв., в Европе главной функцией государственно-правовых, распорядительных систем становится воспроизведение всех условий, необходимых для сохранения индивидуальной человеческой жизни. Легитимность органов власти обосновывается тем, что они делают для повышения производительности труда, улучшения санитарно-гигиенических и прочих условий репродукции населения, всего, что способствует росту численности граждан, улучшению их здоровья⁷. Наиважнейшие витальные, телесные функции обобществляются и ставятся под

контроль (у Фуко – под «надзор») государства «всеобщего благоденствия». Смертная казнь упраздняется – не потому, что она аморальна, а потому, что противоречит формирующейся идеологии роста продуктивности, или, иными словами – неэкономична. Ценность индивидуальной человеческой жизни все более измеряется абстрактными категориями статистики, демографии, социологии. Происходит рационализация и связанная с этим частичная релятивизация представлений о цене жизни. Так создается институциональный механизм, который можно было бы назвать «машиной жизни» и без учета которого размышления о ценности жизни современного человека будут неисторичными.

Делез и Гватари писали о «машинах желания», то есть анонимных отношениях и дискурсивных практиках, которые помимо воли индивида внушают ему представления о целях и смыслах жизни и способах их достижения. К числу таких «машин жизни», по всей видимости, можно отнести систему образования и воспитания, рекламу, массовую бульварную литературу и кинематограф, культ «звезд», личного успеха. Кстати, и психоанализ, с его навязчивой идеей Эдипова «треугольника», данные авторы рассматривают как своеобразную «машину желания», сфабрикованную в лоне новейшей евро-американской культуры⁸. Ж.Бодрийяр пишет о «стратегии соблазна» как детально разработанной системе мотивов и стимулов, способствующих повышению интереса к жизни, росту вовлеченности в деятельность мегаструктур капиталистического общества, включающей популяризацию научных открытий, секс, политику, азартные игры, Интернет, военные авантюры, космические старты и т.п.⁹.

В зарубежной литературе публикуется немало критических материалов об отношении к жизни и смерти в современном западном мире, среди которых не последнее место занимают сочинения вышеназванных авторов. Из них, в частности, следует, что эффект повышения ценности жизни, создаваемый масс-медиа, носит симулятивный характер и строится на аналитическом расчленении феноменов жизни на первичные «инстинкты» с последующим их «приручением» и механическим соединением в требуемых пропорциях. Исследователи указывают на значительное распространение пуерилизма (т.е. несерьезного, легкомысленного отношения к жизни) в культуре современного индустриального общества¹⁰. Последней новостью здесь является дзен-буддизм и электронная «виртуальная реальность», когда вопрос о смерти как бы снимается с повестки дня: за одну и ту

же жизнь вы можете «прожить» несколько разных «жизней», причем, меняя их попеременно. Массовая потребительская культура делает поведение отдельного человека предсказуемым и управляемым с помощью компьютеров — в этом главный (ни от кого не скрываемый) «секрет» ее могущества. Но все же «машины жизни» представляются альтернативой тому, что можно было бы по контрасту назвать «машинами войны», или «машинами смерти» — средневековым империям и восточным деспотиям, тоталитарным режимам, военным диктатурам и пр. «Машины желаний», в целом, работают на повышение ценности жизни, а «машины войны» — на ее понижение (вспомним произведения Д. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина). В основе функционирования последних лежит «жертвенный тотализатор», использование обесцененного человеческого материала для создания антигуманных государственных структур. Очевидно, на Западе большинство людей и теперь полагает, что советская система вплоть до последних дней ее существования олицетворяла собой один из вариантов «жертвенной экономики».

В действительности, как показывает опыт внутреннего пребывания в «системе», пространство ГУЛАГа никогда не было всеобщим. Советскому государству также были присущи некоторые функции «машины жизни», о которых писал М. Фуко, в том числе планирование экономики, распределительные функции, организация здравоохранения, образования и т.п. По крайней мере с формальной точки зрения советская система принадлежала к семейству индустриальных цивилизаций, в ней ценность жизни отдельного человека и витальность общества были скреплены социально-экономическими воспроизводственными функциями. Слова «производство», «товар», «потребитель» были едва ли не самыми распространенными в официальном лексиконе. Советская экономика не была «нерыночной» в полном смысле этого слова, так же как нынешняя российская экономика не является «капиталистической». На самом деле в ней переплетались черты разных экономических эпох и формаций. Советское государство могло долгое время существовать лишь потому, что оно проводило четкую грань между «зоной» и «нормальной» жизнью, какой бы тяжелой последняя не была. В нем «машины жизни» и «машины смерти» работали в разных режимах, не пересекаясь в пространстве и во времени. Люди, циркулировавшие в этих подсистемах (например, сотрудники репрессивных органов и их потенциальные жертвы), могли жить

бок о бок, искренне «уважая» друг друга: «Да, Юрий Деточкин крал, но он хороший человек... Простите его, пожалуйста!». Строгая уравновешенность, дозированность поощрения и наказания, создававшие видимость гражданского мира, входили в неписанные условия «контракта» между аппаратом власти и подданными, на котором покоились все общественные учреждения. Цена (меновая стоимость) жизни в самом деле являлась ничтожной. Люди в массе были очень бедны и бесправны. Однако за свою убогую жизнь они получали моральную сверхкомпенсацию в виде восторгов жертвенного советского патриотизма и аскетического равенства «в нищете», выдаваемого официальной идеологией за высший идеал социальной справедливости.

После распада советской системы и приобщения его бывших граждан к либеральной системе жизненных ценностей общая ситуация изменилась. Нынче никому не возбраняется «преуспевать и богатеть». Впервые в российской истории, хотя бы формально, государство не требует жертв от населения и даже, напротив — поощряет всевозможные виды деятельности, связанные с рынком, потреблением, индивидуальным успехом. Казалось бы, в этих условиях цена человеческой жизни должна расти, но выходит совсем иначе. Мы уже показали выше, с какими издержками, каким понижением цены жизни связаны реформы. «Машины смерти» не только не прекратили своей работы, они стали действовать более открыто и цинично, сметая со своего пути любого, кто пытается оказать сопротивление. Ведь совершенно ясно, что Дмитрий Холодов был убит не за то, что открыл людям секрет приобретения грачевского «Мерседеса», а за то, что приблизился к пониманию наиболее тщательно оберегаемой тайны нынешнего режима — механизма взаимодействия военно-государственных, предпринимательских и криминальных структур. Это было политическое убийство с целью устрашения. Оно как бы говорило всем: «Мы по-прежнему сильны, мы у власти, а ваша жизнь целиком зависит от нас. Не смейте совать нос в наши дела!». Место централизованного репрессивного аппарата заняло множество локальных «силовых» структур, осуществляющих ненормируемое насилие.

Убийство Д.Холодова, как и убийство преподобного А.Меня, до сих пор не раскрыты следственными органами. Данные факты сами по себе весьма красноречивы. «Важно понять, что убийство отца Александра стало первым в ряду многих последующих громких убийств, — полагает сын погибшего Михаил

Мень. — Уверен — если бы это преступление было раскрыто по горячим следам, а убийца наказан, — обвал заказных и политических убийств стал бы невозможен»¹¹. Но ведь убийство А.Меня потому и произошло, что его организаторы были уверены в своей безнаказанности. Оно и было устроено для того, чтобы инициировать обвал преступлений. Каждое последующее убийство отодвигало вопрос об ответственности за предыдущее и понижало общую цену жизни. Выбор в качестве одной из первых жертв А.Меня был, конечно, не случаен. Он, как и Д.Холодов, стоял на пути «машины смерти», спутывая все представления о том, кто есть «свои», а кто «враги»; он пытался самостоятельно определять себе цену.

Существенной новой чертой постсоветской эпохи становится симбиоз, или смешение, отдельных черт «машин желания» и «машин смерти» и формирование на этой основе каких-то невиданных духовных монстров, соединяющих либидинозные и танатоидальные мотивы. Например, в московском метро на станции «Парк культуры» недавно можно было видеть изображение двух очаровательных розовощеких мальчугов в солдатской одежде. «Мы всегда в форме!» — гласила подпись. Это — реклама фирмы, торгующей военной амуницией. И ведь нельзя сказать, что сей образ абсолютно лишен смысла. Нынче даже школы и детские сады заводят себе охранников. Дяди в форменной одежде с надписью «секьюрити» сопровождают богатых дам в походах по магазинам. Смешением разных стилей и символических форм, характерных для взаимоисключающих языковых контекстов, отмечены почти все официальные мероприятия, «презентации», большинство передач радио и телевидения. Любой клик «во славу» неизменно сопровождается воплем «за упокой». На одних и тех же книжных прилавках продается религиозная и порнографическая литература, книги о здоровом образе жизни и каталоги современных систем оружия. Идеология постсоветской эпохи говорит с людьми одновременно на двух языках (хотя большинству это невдомек): языке жизни и языке смерти.

Расхожий вариант понимания ценности жизни предлагают телереклама и популярные журналы «Космополитен», «Лица» и т.п. Это — так называемый комплекс Барби: не грусти, живи проще, живи сегодняшним днем, будь богатым, будь знаменитым, развлекайся! Но пошлые картинки счастья, представленные на телеэкранах и разворотах журналов, только раздражает большинство населения нынешней России. Жизнь, по большо-

му счету, предстает как постоянная нехватка и лишение самого необходимого, задержки в выплате жалования, непорядок в быту и на улице, болезни, потоки беженцев, неуверенность в завтрашнем дне, страх за детей. «Коктейль из политики и катастроф-ужасов в разной пропорции – вот к чему свелось все многообразие жизни в «Новостях» ТВ-каналов..., – пишет Н.Боброва. – Телезрителей выгуливают на лужайке новостей опытные пастухи. Ежедневный парад катастроф – это, конечно, просто наркотик. Вместе с ним мы «хаваем» так называемую политическую линию. Она в общем-то у всех телеканалов одна, просто на каждом ее осуществляют разные любимые персонажи»¹². Целый воз действительно страшных фактов и еще более мерзких сплетен сваливается на головы людей, в которых интерес к жизни и так еле теплится, не оставляя им времени на раздумья, дезориентируя и приучая к мысли: «Жизнь на самом деле игра, и придерьмовейшая. Рыпайся, не рыпайся, в ящик сыграть все равно придется. А раньше это произойдет или позже, от тебя практически не зависит»¹³.

Приведенные высказывания, как нам кажется, представляет довольно точную оценку той линии, которая проводится средствами массовой информации в современной России, и приближает к пониманию причинной обусловленности явления, называемого падением цены жизни. Всего в нашем анализе было рассмотрено 905 публикаций разного объема, помещенных в «Московском комсомольце» за октябрь 1997 года. (Любой газетный материал с заголовком и подписью принимался за публикацию.) В среднем на один номер приходилось 40 публикаций, из них в 7 непосредственно упоминались факты, связанные со смертью или убийством. Ключевыми, наиболее часто затрагивавшимися темами были: 1) несчастные случаи и уголовные преступления; 2) покушения, заказные убийства; 3) смерть великих людей и знаменитостей; 4) войны, терроризм. На первый взгляд, суточные «дозы» криминального чтива не так уж велики, но за месяц уже получается 152 материала, полторы сотни напоминаний о смерти каждому читателю! Некоторые публикации были велики по объему. Например, из номера в номер публиковалась документальная повесть Сергея Устинова «Стекланный дом, или ключи от смерти». Кроме того, нельзя недооценивать эмоциональную силу образов смерти, которые С.Эйзенштейн называл «безусловными аттракторами» человеческого внимания. Следует заметить, что газета «Московский комсомолец» – далеко не

худшая среди прочих. В ней работают настоящие профессионалы, и они явно стараются приглушить разрастающуюся танатоидальную истерию. Однако и эта газета ведет игру по правилам «мы показываем то, что вы хотите видеть», а в действительности это означает: «Мы показываем то, что может поставить вас «на рога»», то есть ошеломить, оглушить, оказать стрессовое воздействие. Пресса морально подавляет своих читателей еще до того, как они могут быть сломлены жизнью.

Опыт анализа материалов прессы приводит к убеждению, что «машины желаний» и «машины смерти» — не метафоры, точнее, не только метафоры. Существуют финансовые, информационные, социально-психологические механизмы, которые, благодаря постоянной игре на понижении ценности жизни, приносят определенным общественным группам колоссальные прибыли и политические выгоды. Примерные адреса этих групп давно известны, это — военно-промышленный комплекс, криминальные элементы, коррумпированные чиновники и политики, огосударствленные информационные концерны, стремящиеся к тотальному контролю над общественным мнением. Конечно, ни о каком «массовом заговоре» не может быть речи. Многие процессы в данной сфере протекают стихийно, подобно цепной реакции в заряде обогащенного урана. Порою просто невозможно понять, то ли правящая элита стремится «опустить» массу ниже всякого мыслимого уровня, то ли масса хочет, чтобы с ней обращались, как с ничтожеством, выбирая себе соответствующих руководителей. Образец такого порочного механизма в прошлом — гонка вооружений, которую вели СССР и США. Зачем две великие державы производили тысячи ядерных боеголовок, хотя и сотни их было более чем достаточно, чтобы нанести непоправимый ущерб другой стороне? Это был цепной, каталитический механизм расширенного воспроизводства страха. Фактически холодная война велась не между двумя социальными системами, а между правящими группировками обеих стран и всем остальным человечеством, и ставкой в этой борьбе было монопольное право распоряжаться жизнью и смертью «поверх» всех существующих барьеров — моральных, политических, национальных, культурных и пр. Мечта о «сверх-оружии» есть ничто иное, как доведенная до абсурда ницшеанская идея переоценки ценностей, идея упразднения всех исторических установлений, сообщающих смысл человеческой деятельности.

Подтекст нынешней политической игры с ценой жизни в России станет яснее, если обратиться к выводам, сделанным П.А.Сорокиным в первые десятилетия после Октябрьской революции. Он писал, что колоссальный выход человеческой энергии во время революции, а затем в Гражданскую войну привел к огромному физическому и моральному истощению людей. «Человек — не перпетуум мобиле. Усталость усиливается вдобавок голодом и нуждой, препятствующими восстановлению утраченной энергии. Эта усталость действует изнутри, порождая индивидуальную апатию, индифферентность, вялость. В таком состоянии находятся все люди, и нет ничего проще подчинить их некоей энергичной группой людей... Население, представляющее собой инертную массу, — удобный материал для социальной «формовки» новым «репрессором»¹⁴. Кровавой гражданской войны в 90-е годы России удалось избежать, хотя попытки развязать ее делались даже в самой столице. Голода в крупных масштабах тоже не наблюдалось. Развал аппарата советского государства потребовал минимальных усилий, он словно ждал, когда его «пошатнут» — все чиновники, армия, милиция, органы безопасности тут же присягнули новому правительству. Народ же, как назло, был еще свеж, полон энергии и ждал перемен. Тут как нельзя кстати пришлось изобретение М.Горбачева, называвшееся «гласностью» и означавшее не более и не менее, чем информационную гражданскую войну в стране.

Новый российский правящий класс заимствовал у Запада некоторые технологии социального манипулирования, которыми советские лидеры пренебрегали. «Машина желаний» была запущена на полные обороты. Однако «машина смерти», методы ГУЛАГа и Освенцима тоже полностью не забыты. Одна «машина» работает на субъективное повышение ценности жизни, другая — на понижение, но общий вектор их усилий один и тот же: лишение масс способности к сопротивлению, подчинение правящим мегамашинам власти. Из традиционных «средств воздействия» новые российские правители все чаще останавливают свой выбор на кнуте, а пряник предпочитают оставлять себе. Почти десять лет назад один молодой философ предсказывал возможность такого поворота событий¹⁵. «Будут пороть», — сказал он проникновенно и переехал жить в Швейцарию. Но, думается, и он не мог предположить, что дело пойдет так далеко. Чем ниже профессиональный, нравственный, интеллектуальный уровень правящей элиты, тем сильнее ее психологическая по-

требность «опустить» население, чтобы чувствовать себя более уверенно. Не умея руководить страной, она спасается инфляцией всех материальных и духовных ценностей, в первую очередь — понижением цены жизни.

Теперь, когда диагноз проблемы сформулирован, от автора полагается ожидать рецептов лечения. Может ли он предложить что-нибудь кроме моральных инвектив? К своему стыду автор должен признаться, что готовых рецептов у него нет. Ясно, что положение складывается крайне тяжелое. Воля к власти приходит в противоречие с волей к жизни, выживанию. Стремление правящих групп к неограниченному экономическому, политическому господству ставит под угрозу витальность общества. Было бы наивностью надеяться, что в обозримое время удастся провести какие-нибудь альтернативные реформы или создать социальные «механизмы», которые могли бы противодействовать «машинам желания» и «машинам смерти». Машине может сопротивляться только человек, и, следовательно, решение во многом зависит от его личной позиции. Для кого-то выбор может заключаться в выходе на арену политической деятельности, кто-то отдаст предпочтение формам гражданского протеста и движения за права человека. Можно предсказать, что в ближайшие годы разовьются разнообразные формы правозащитных движений в рамках существующего конституционного строя, а также общественные инициативы граждан, связанные с воспитанием молодежи и юношества, охраной здоровья, защитой пенсионеров и инвалидов.

Борьба за повышение цены жизни могла бы объединить многих людей и не обязательно в фиксированных организационных формах. В нее могли бы включиться лица, по независящим от них причинам выброшенные из сферы общественного труда, представители администрации, педагоги, врачи, ученые-обществоведы, комитеты солдатских матерей, социальные работники. В конечном итоге людей, заинтересованных в повышении ценности человеческой жизни, гораздо больше, чем тех, кто играет на ее понижении. Людям важно, прежде всего, убедить себя и других, что они не являются безвольными марионетками, что их жизнь находится в их собственных руках, и она стоит того, чтобы за нее бороться.

Необходимо продолжить научный анализ опасностей, связанных с падением цены жизни, и конкретных обстоятельств, которые его вызывают. В отдаленном будущем программа мер,

направленных на повышение цены (ценности) жизни, могла бы стать ядром государственной социальной политики – но, разумеется, об этом преждевременно говорить сегодня.

- ¹ В данной работе используются материалы контент-анализа прессы, выполненного автором в 1997 г., и результаты других исследований, ранее опубликованные в научной периодике. См.: *Захаров А.* Карнавал в две шеренги. К истории советских массовых празднеств // *Человек.* 1990. № 1; Его же. Социально-культурный феномен «Арбата» // *Общественные науки и современность.* 1994. № 1.
- ² По данным МВД, в Москве наблюдается рост количества убийств, совершаемых по заказу и при «разборках» преступных группировок: в 1991 г. их было совершено 19, в 1992 г. – 54, в 1993 г. – 148, 1994 г. – 181. См.: *Убийственное лето: у киллеров нет каникул.* (Подпись – Отдел расследований) // *Моск. комсомолец.* 1997. 20 сент.
- ³ См.: *В темных переулках, где гуляют...* (Материал без автора) // *Моск. комсомолец.* 1997. 26 сент.
- ⁴ См.: *Калинина Юлия.* Москвичи потеряли голову по законам шариата // *Моск. комсомолец.* 1997. 13 сент.
- ⁵ См.: *Арьес Филипп.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992; *Розин В.М.* Смерть как феномен философского осмысления (культурно-антропологический и эзотерический аспекты) // *Общественные науки и современность.* 1997. № 2.
- ⁶ *Яхонтов Андрей.* Коллекционер жизни // *Московский комсомолец.* 26.09.97.
- ⁷ См.: *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 238-269.
- ⁸ См.: *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения. Антиэдип. (Сокр. перевод-реферат). М.: ИНИОН, 1990. С. 26-44.
- ⁹ См.: *Baudrillard Jean.* Seduction. N.Y.: St.Martin's Press, 1990. P. 152-175.
- ¹⁰ См.: *Хейзинга Йохан.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс – Академия, 1992. С. 230-238.
- ¹¹ Генеральный справщик. (Интервью с сыном А.Меня – Михаилом) // *Моск. комсомолец.* 1997. 9 окт.
- ¹² *Боброва Наталья.* ТВ-новости: в мир политики телезрителей завлекают наркотиком // *Моск. комсомолец.* 1997. 25 сент.
- ¹³ *Комаров Алексей, Рязанцев Артем.* Майкл Дуглас поиграл со смертью // *Моск. комсомолец.* 1997. 19 сент.
- ¹⁴ *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 293-294.
- ¹⁵ См.: *Надточий Э.В.* О власти счисления над жизнью и над смертью // *Тоталитаризм как исторический феномен.* М.: ФО СССР, 1989.